

УДК 338.124.4(4) “1917/1918”
ББК 65.9(4)-981.4г
DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(1\).7-48](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(1).7-48)

Г. Г. Попов

*Московский технологический институт,
г. Москва, Российская Федерация*

С. Г. Давыдов

*Московский филиал
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина,
г. Москва, Российская Федерация*

«ПРОВАЛЫ» В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПРОДУКТОВ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОТРЯСЕНИЯ 1917–1918 ГОДОВ В ЕВРОПЕ

Аннотация. Статья посвящена теме экономических причин революций в России, Германии и Австро-Венгрии в конце Первой мировой войны. Авторы обращают основное внимание на роль «провалов» в обеспечении городских рабочих продуктами питания. Доказывается, что главной причиной этих революций (Февральской революции в России, Ноябрьской революции в Германии, крушения монархии Габсбургов) стали не столько угрозы голода, сколько культурные установки элит во всех трех империях — их невнимание к нуждам рабочих. Культуры элит двух германских империй и России были достаточно схожими, поэтому авторы находят схожие процессы вызревания и развития революционных процессов во всех трех государствах, хотя социально-экономическая политика этих режимов в годы войны была достаточно различной.

Ключевые слова. Государственное регулирование экономики, военная экономика, мобилизационная экономика, Первая мировая война, Февральская революция в России.

G. G. Popov

*Moscow Technology Institute,
Moscow, Russian Federation*

S. G. Davydov

*Moscow branch of Leningrad state University
named A. S. Pushkin,
Moscow, Russian Federation*

FAILURES OF PRODUCT DISTRIBUTION AND REVOLUTIONARY UPHEAVAL OF 1917–1918 IN EUROPE

Abstract. The article raises the topic of economic Russian, German and Austrian revolutions causes at the end of the First World War. The authors focus on the failures influence on providing the city population with food. The authors consider that the main reason of these revolutions (February revolution in Russia, Revolution of November 1918 in Germany and crash of Habsburg's monarchy) was not the perspectives of starvation but the cultural motives of the elites in these empires that did not care about workers' needs. Since the culture of these elites was quite similar, the authors find the revolutionary development processes quite similar too, despite the fact that these states had rather different socio-economic policy during the war.

Keywords. Governmental regulation of the economy, war economy, The First World War, February Revolution in Russia, mobilization economy.

Европейские революции 1917–1918 гг.: что очевидно и что не очевидно

События февраля 1917 г. становятся нам в последнее время ближе, поскольку накануне 100-летия Февральской революции мы сталкиваемся с институциональными проблемами в экономике, напоминающими те, что возникли в эпоху правления Николая II.

Можно вспомнить, как еще в 1999 г. в рамках дискуссии между либеральными и левыми экономистами

был поднят вопрос о мобилизационной экономике. Тогда левые экономисты, включая С. Ю. Глазьева, заявляли, что мобилизационная экономика — это в первую очередь система, обеспечивающая максимальное задействование производственных ресурсов [2, с. 26]. В контексте данной дискуссии «не очень» успешная либеральная модель экономики Российской Федерации противопоставлялась более результативным мобилизационным моделям народного хозяйства советского периода.

Нам трудно согласиться с утверждением Ю. П. Бокарева, что мобилизационные модели экономической политики в России и СССР были всегда успешными как фактор «преодоления экономической отсталости, ликвидации диспропорций в народнохозяйственном развитии, стимуляции развития стратегически важных производств» [2, с. 26]. На самом деле стимуляция стратегически важных производств и ликвидация диспропорций в социально-экономическом развитии есть взаимоисключающие процессы. Как мы показали в ряде предыдущих работ [11–13] интервенции государства в экономику в годы Первой мировой войны, в межвоенный период и в годы «холодной войны» на Западе только усиливали диспропорции в национальных экономиках. СССР не был исключением: первые две пятилетки привели как к росту региональных диспропорций, так и к снижению эффективности промышленности, а также к частым нарушениям баланса между количеством и качеством производимой продукции в пользу первого.

Первая мировая война в истории России есть до некоторой степени уникальный сюжет в том смысле, что мобилизационная политика ограничивалась в основном госсектором и эвакуацией промышленных мощностей из западных губерний (прежде всего, из Риги) в центральные районы страны. По сути, грани-

цы экспансии были четко определены еще до войны, режим Романовых не спешил их переходить. В этой связи опыт кайзеровской Германии является полной противоположностью Российской империи: уже в самом начале войны после битвы на Марне и неудач с наступлением во Фландрии официальный Берлин перевел экономику страны на военные рельсы. Правда, Германия все равно потерпела поражение, имея на зиму 1918 г. мощнейшую в Европе экономику. Главный противник кайзеровского режима на Востоке — Россия — одной из первых вышла из Великой войны, так и не проведя фактически мобилизацию своей экономики в том смысле, как это имело место на Западе. Тем не менее, Россия вплоть до марта 1918 г. оттягивала почти 2 млн немецких солдат от Западного фронта.

Судьба обеих монархий — Романовых и Гогенцоллернов — была во многом предопределена проблемами распределения предметов первой необходимости. Контуры этих проблем сложились еще в довоенный период: рабочий класс не имел достаточных политических возможностей отстаивать в кризисных условиях свое право на сохранение потребления на приемлемом уровне. Только в Германии к лету 1917 г. левым удалось отстоять ограниченные права рабочих на незначительное повышение нормы рациона питания. В России же в 1917 г., как и в 1905 г., рабочие оказались лишены права требовать сокращения потерь от инфляции. Это стало следствием даже не монархического строя как такового, но действия социально-культурного фактора в поведении элитарных групп. Рынок в этом процессе играл далеко не ключевую роль. Рынок есть, на самом деле, сфера, где реализуются уже сформированные заранее мотивы и продиктованные ими схемы поведения экономических агентов, которые могут в разной степени корректироваться рынком. Мы думаем, что главными фак-

торами в развитии ситуации в начале XX в. в России и Германии были не институты рынка как таковые, а «правила игры», определявшие доступ к власти, на базе которых сформировалась иерархия потребления военного периода.

Аналогичные проблемы наблюдались и в Австро-Венгрии, хотя этот случай является во многом уникальным. Австро-Венгерская империя, как и Российская империя, имела аграрную экономику, промышленные мощности были сконцентрированы преимущественно в Вене и Праге. В результате наступления конца 1916 г. австрийскими и германскими войсками была покорена Румыния, а за год до этого оккупирована Сербия с ее обширными сельскохозяйственными угодьями. Однако по мере роста побед «Центра» продовольственное обеспечение непосредственно немецких провинций Австро-Венгрии только ухудшалось, что в итоге привело к кризису монархии Габсбургов, хотя ни один солдат Антанты не ступил на территорию этой империи.

Целью настоящей работы является выяснение механизма развития продовольственного кризиса в государствах Центральной и Восточной Европы на базе документальных свидетельств и сравнения данных, приведенных в исследованиях по истории Германии, Австрии и России интересующего нас времени. Центральная идея статьи заключается в том, что импортированные институты либеральной рыночной экономики в сочетании с сохранением старых институтов полуфеодальных монархий работали не эффективно, что катастрофически отразилось на продовольственном положении в Российской империи, Германии и Австро-Венгрии. В монархиях континентальной Европы среди правящих элит не было популярным понятие социальной справедливости: на первое место выдвигались «интересы государства», а социальные вопросы рассматривались как «досадные и докучаю-

щие» проблемы, которые было принято откладывать в долгий ящик.

Сегодня многие россияне скучают по «сильной руке», ассоциируя это понятие с социальной справедливостью. В этом свете Февральская революция 1917 г. рассматривается как досадное недоразумение или даже результат заговора (социалистов-радикалов, либеральных оппозиционеров, масонов, агентов Антанты...). Документы и свидетельства очевидцев показывают нам, напротив, что «теория заговора» для объяснения Февральской революции не нужна: именно «сильная рука» правительства без социальной опоры и без четко определенной социальной политики привела Российскую империю к краху.

В настоящем исследовании мы не проводим по поводу событий в Германии и Австрии анализ документов, каковой давно уже проведен учеными на Западе. Мы стремимся больше к сравнению ситуаций с продовольственным снабжением и с мерами по его улучшению в этих трех странах в конце Первой мировой войны, решая задачи более экономико-исторического, нежели чисто исторического содержания. Мы концентрируем внимание на Февральской революции в России, поскольку нам, россиянам, эта тема ближе. Одновременно хотим показать, что режим последнего Романова не отклонился от линии развития, положенной еще в начале XVIII в. и укрепившейся в период правления Екатерины Великой, — от линии либерализации экономики, или, если так можно выразиться, увода России от модели азиатского способа производства, но с сохранением сильно выраженного элитаризма и авторитаризма. Этот принцип органично вошел в социально-культурные установки правившей империей элиты, что, на наш взгляд, стало причиной кризиса в феврале 1917 г. не в меньшей степени, чем государственные институты, которые центральная власть упорно не спешила менять.

Февральская революция в России — бунт без политического лица

Кризис монархии в конце зимы 1917 г. стал внезапным для системной оппозиции в Петрограде. Уже сразу после событий февраля 1917 г. начался поиск инициаторов революции, что выразилось в разработках различного рода теорий заговора [4, с. 5–6].

Особенностью Февральской революции, отличающей ее от революции 1905 г. и Октябрьской революции 1917 г., является то, что высшие армейские круги заняли выжидательно-нейтральную или даже попустительскую (по отношению к «мятежникам») позицию. В этой связи можно вспомнить, например, что известный историк А. А. Корнилов писал по поводу обличительной речи П. Н. Милкокова «Глупость или предательство?», произнесенной последним в Думе 1 ноября 1916 г.: «Я думаю, что без речи П. Н. Милюкова 1 ноября, без этого мужественного и смелого выступления, может быть, не удалось бы так единодушно поднять не только пролетариат, но и армию» [7, с. 24].

В 1905 г. народ протестовал против снижения реальной заработной платы (хотя, данное явление кардинально коснулось узких сегментов пролетариата), а также против неблагоприятных условий труда (не связанных в основном напрямую с оплатой труда) на многих заводах и фабриках. В феврале 1917 г. мы имеем дело уже, скорее, с протестом городских рабочих против политики властей как таковой — точнее, следовало бы сказать, с бездействием властей (хотя доставшиеся в наследство от XIX в. проблемы в организации труда остались и в полной мере дали о себе знать на военных заводах зимой 1917 г.).

Средний и младший командный состав армии в февральские дни 1917 г. в большинстве своем оказался невосприимчив как к праволиберальным, так и, тем более, к леворадикальным идеям. Сомнительно, чтобы «революционные» речи П. Н. Милюкова встречали

большой интерес в солдатской массе и в среде младших офицеров-фронтовиков. П. Н. Милкоков [9, с. 30–38] и В. А. Маклаков [8, с. 313] заявляли, правда, что именно либеральная оппозиция толкнула народ к революции. Это дало повод белоэмигрантским консерваторам возложить ответственность за гибель империи на либеральный блок. Впрочем, хотя П. Н. Милкоков и выдвинул предположение, что именно его речь от 1 ноября 1916 г. взбудоражила умы в России и стала едва ли не прологом революции, однако позднее, уже в эмиграции, он давал намного более сдержанную оценку своей речи [4, с. 7]. Российские либералы были тогда (как и в наши дни) слишком оторваны от народа, поэтому они вряд ли могли как-то серьезно влиять на его настроения.

Примерно после 1911 г. среди молодежных сегментов российского пролетариата снова после революции 1905 г. стали набирать популярность левые радикалы, что было связано с наступлением государственной власти на профсоюзы. После спада патриотического подъема 1914–1915 гг., когда даже большевики раскололись на пораженцев и сторонников войны до победы, среди рабочих начался рост леворадикальных настроений, что было следствием снижения реальной заработной платы.

Проведя наступление против профсоюзов, российские власти загнали оппозицию в подполье, что способствовало только усовершенствованию методов противодействия охранке и потери последней контроля за частью внесистемной оппозиции. Отсюда парадокс: действия толпы в февральских событиях 1917 г. были хорошо организованы, однако координаторы бунтовщиков оставались до назревания уже действительно революции плохо заметными. Впрочем, таковыми они остались и после Февральской революции, и даже после Гражданской войны.

В 1920-х гг. в СССР публикации по событиям февраля 1917 г. были несчастным явлением. Советской вла-

сти, в принципе, была на руку правая трактовка событий, что Февральская революция стала результатом конфликта Думы и Николая II. За революцией сверху, по такой схеме, следовала революция снизу, что соответствовало марксистскому видению революционного процесса. Первой отдельной серьезной работой мемуарного стиля о февральских событиях 1917 г. стала книга А. И. Тарасова-Родионова (члена Петроградского Совета в конце февраля 1917 г., участника ареста Николая II), вышедшая из печати в 1927 г., к 10-летию революции [22].

В том же 1927 г. в журнале «Огонек» была опубликована статья меньшевика М. И. Скобелева, в которой тот утверждал, что еще 22 февраля представители его фракции в Думе рекомендовали рабочим создавать Советы по примеру 1905 г. [20]. Сам этот факт вызвал сомнения у историка В. А. Рачковского, потому что думцы на тот момент едва ли могли пойти на такой риск [18, с. 60].

М. Г. Рафес, член партии Бунд в те февральские дни, высказал мнение [17, с. 180–189], что Советы начали создаваться 24 февраля подпольными группами социал-демократов на заводах, но опять-таки не привел конкретных имен и характеристик таких групп. Как сообщил М. Г. Рафес, лидеры ультралевого крыла Петроградского Совета 1 и 2 марта 1917 г. заявили от имени всего совета об отказе в признании Временного правительства, и только здесь Рафес называет фамилии этих лидеров – Стеклов, Суханов, Соколов [16, с. 30].

Один из участников революции, меньшевик О. А. Ерманский, утверждал в 1927 г. [5, с. 187], что у вышедших на улицы масс вообще не было руководства. Революция, как следует из его слов, застала левые движения врасплох – изначально беспорядки в столице не воспринимались как революция. По сведениям О. А. Ерманского, 24–25 февраля у петроградских рабочих не было возможностей создавать Советы, по-

скольку заводы были закрыты, обсуждения политических тем происходило на улице.

Исполнительный комитет Петроградского совета представлял собой очень неоднородную структуру. Это указывает на то, что большевики не ожидали перерастания бунта в революцию. В составе Исполнительного комитета оказались Керенский, Чхеидзе, Скобелев (они же являлись депутатами Думы), Суханов (который не относился ни к одной партии), Гвоздев, Богданов, Капелинский и Гриневиц [5, с. 187]. Известно, что в комитет были избраны большевики Шляпников и Залуцкий, однако о них Ерманский не писал.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что в первые дни революции доминировали меньшевики, за ними шли эсеры, а уже потом особняком следовали большевики. Согласно свидетельству А. Г. Шляпникова, большевики в конце февраля 1917 г. вообще не придавали большого значения Советам, увлекаясь уличной борьбой. При этом, согласно сведениям участника тех событий В. Н. Каюрова, основную роль в организации уличных беспорядков в конце февраля сыграли рядовые большевики, но вовсе не Петроградский ЦК партии, который почти бездействовал [6].

Обобщая свидетельства мемуаристов, можно сказать, что Февральскую революцию «кто-то делал», но не вполне понятно и до конца не известно, кто же именно. Рассмотрим теперь последовательность событий Февральской революции, обращая особое внимание на участников этих событий и на их мотивацию.

Хлеб, рынок труда и Февральская революция в России

События Февральской революции в России взяли старт с того, что 19 февраля 1917 г. в петроградской прессе появились статьи о плохом состоянии снабжения столицы хлебом, а в ряде изданий сообщалось о проведении властями мероприятий по введению системы нормирования продуктов питания.

Мнения журналистов по хлебному вопросу не были бесосновательными. Действительно, зимой 1917 г. среди представителей местного самоуправления Петрограда велось обсуждение нормирования хлеба в столице, но данный вопрос не был согласован с представителем центральной власти — уполномоченным представителем Особого совещания по продовольствию столицы. Как выяснилось уже в революционные дни, права и полномочия этого самого уполномоченного были крайне ограниченными. Фактически за доставку продовольствия в Петроград отвечало Министерство сельского хозяйства и земледелия, но и оно в конце февраля всячески пыталось сложить с себя ответственность за снабжение столицы, объясняя это тем, что в его обязанности не входит регулирование сбыта.

По слухам, распространенным в прессе, власти Петрограда планировали выделять на каждого взрослого рабочего по фунту хлеба в день¹. Проблема заключалась в том, что при ряде заводов продуктовые лавки не работали, став непопулярными в рабочей среде в силу дороговизны их товаров еще во времена революции 1905 г. и незадолго до нее. Поэтому петроградские обыватели под влиянием слухов о грядущем дефиците устремились в начале двадцатых чисел февраля в продуктовые лавки закупать хлеб для выпечки сухарей. Вечером 22 февраля 1917 г. рабочие с Выборгской стороны пришли в лавки за хлебом, который оказался уже раскуплен, ответом стала забастовка.

Впрочем, с забастовочным движением в столице было не так все просто. Еще 18 февраля 1917 г. рабочие лафетно-штамповочной мастерской Путиловского завода объявили об остановке работ, они это сделали неожиданно для остального персонала предприятия. Но причиной забастовки цеха стал не дефицит хлеба, но слухи о том, что из-за дефицита топлива и сырья

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 1. Д. 75. Л. 2.

ожидаются сокращения рабочих мест на заводе. Эти слухи создавали напряженную обстановку на предприятии. 18 февраля рабочие упомянутого выше цеха потребовали от администрации Путиловского завода повысить им зарплату на 50 %, дирекция ответила категорическим отказом.

Требования рабочих-путиловцев вполне понятны: в России зимой 1916–1917 гг. ощутимо повысились цены. В связи с массовыми призывами в армию в 1916 г. на Путиловском и других заводах уменьшилось число молодых рабочих (до войны именно этот сегмент пролетариата составлял на многих заводах основу человеческого потенциала), их заменяли замужними женщинами, чьи мужья находились на фронте («солдатками»). Разумеется, несемейный молодой рабочий и замужняя женщина имеют разные требования к оплате труда, поскольку первому не надо содержать детей. Однако оплата труда на российских предприятиях к началу Первой мировой войны практически не зависела от потребностей работников, то есть была «чисто рыночной», будучи лишённой социального компонента. Многим российским промышленникам было безразлично, кто стоит за станком, до систем «фордизма» и «человеческих отношений» их сознание не дошло.

20 февраля 1917 г. конфликт на Путиловском заводе был улажен соглашением о повышении зарплаты на 20 %. Но 21 февраля рабочим лафетно-штамповочного цеха было объявлено об окончательном расчете. Это вызвало возмущение в других цехах, в ответ утром 22 февраля администрация завода объявила о приостановке работы всего предприятия. Аналогичный случай до этого имел место на Ижорском заводе морского министерства в Колпино. При этом, что удивительно, с разрешения администрации завода вечером 21 февраля путиловцы провели митинг на территории предприятия. 22 февраля дирекция завода объявила о расчете практически всех рабочих, трудившихся в цехах

по выпуску вооружений. Речь шла о нескольких десятках тысяч выброшенных на улицу людей. Военный и морской министры, которым официально подчинялся Путиловский завод, не реагировали на сложившуюся ситуацию [15, с. 327–328].

Тем временем уполномоченный председателя Особого совещания по продовольствию столицы действительный статский советник Вейс поместил в «Русской воле» и «Вечернем времени» сообщения, что в столице с хлебом затруднений нет. Якобы, со слов градоначальника Петрограда, были приняты еще какие-то дополнительные меры, но, как показали дальнейшие события, статский советник Вейс ограничился «публицистикой».

24 февраля градоначальник генерал Хабалов объявил, что «хлеб есть», но только в некоторых лавках возникают перебои из-за закупок населением хлеба для сухарей. В тот же день начальник Петроградского охранного отделения отправил донесение директору департамента полиции генералу Васильеву, что 158 583 рабочих на 131 предприятии бастуют из-за дефицита хлеба. Однако из сообщений, опубликованных в газете «Правда» 5 марта 1917 г. следует, что 23 февраля 1917 г. стачка на многих предприятиях столицы стартовала из-за увольнений на Путиловском заводе, при этом призывы к протестным действиям исходили преимущественно от женщин, работавших на других предприятиях. Массы женщин двинулись к городской думе, скандируя «Хлеба!» [3, с. 179–180]. Женщины врывались на заводы, чтобы вывести на улицы рабочих-мужчин. Правда, это выступление было подавлено усиленными казачьими патрулями к вечеру того же дня. Однако работа многих предприятий оказалась сильно затруднена. Рабочие на этот раз не возвращались в цеха, но группировались в своих слободах, планируя дальнейшие действия.

Согласно данным полиции, казаки сыграли минимальную роль в борьбе с беспорядками 23 февраля

1917 г., если они вообще принимали в этом участие. Главная нагрузка в борьбе с демонстрантами легла на одиночных полицейских и небольшие наряды полиции. Высокая роль женщин в выступлениях не отмечается. Полиция указывала в основном на действия молодых рабочих, правда, в основном в отчетах полиции речь идет о столкновениях демонстрантов с нарядами городских — понятно, что в них со стороны недовольных принимали участие почти только мужчины.

24 февраля протестные акции в Петрограде продолжились, но опять власть применяла против демонстрантов в основном малые отряды полиции. В этот день к рабочим присоединилась учащая молодежь, неизвестные ораторы призывали к свержению царского режима. Центрами выступлений стали заводы Кана, Эриксона и «Айваз». Примечательно, что хлебный вопрос находился на заводе «Айваз» уже в стадии завершающего решения, что не помешало вышедшим утром 24 февраля на работу 3 500 рабочим (практически весь коллектив завода) поддержать проникших на завод неизвестных ораторов и ринуться на улицы. Рабочие выступили с требованием — устранить действовавшее на тот момент правительство². В сводках охраны не сообщаются фамилии ораторов.

25 февраля 1917 г. численность бастующих перевалила за 200 тыс. человек. И здесь впервые появились казаки (вероятно, это было просто совпавшее с беспорядками плановое перемещение войск). Полиции не был известен ни номер этой части, ни цели ее движения. Казаки встретились с демонстрантами, дравшимися с конной полицией, утром 25 февраля на Среднем проспекте. На просьбы полицейских помочь казаки не отреагировали и ушли. В этот же день 25 февраля 1917 г. толпа рабочих под красными флагами вышла на митинг на Знаменской площади. Рабочие выступа-

² Труд в России. 1925. № 1. С. 192-198.

ли в присутствии бездействовавшего отряда казаков. Вскоре появился ротмистр полиции Крылов, который попытался разогнать этот митинг, но внезапно один из казаков нанес ему смертельное ранение пашкой. Подошедший на площадь для разгона митинга отряд конных городских был вытеснен казаками с площади, казаки действовали под руководством своего офицера³.

Часть казаков все-таки оставалась максимально лояльна правительству: вечером на Васильевском острове полусотня казаков 1-го Донского полка разогнала толпу рабочих. Тогда же, к вечеру 25 февраля, в центр Петрограда стали стягиваться другие воинские части, которым было приказано разгонять демонстрантов, появились первые жертвы среди митинговавших.

Тем временем Дума выясняла вопросы поставок в столицу хлеба с министром земледелия А. А. Риттихом, который заверял, что со снабжением Петрограда особых затруднений нет. Паника, вызванная слухами, как он доложил Думе, уже имела место в начале февраля, но она быстро прекратилась, когда стало ясно, что хлеб есть в наличии, потом население стало распродавать на рынке запасы сухарей. Правда, Риттих упомянул о слухах о том, что часть муки запасается спекулянтами. Риттих по этому поводу объяснил, что у него нет уверенности, что мука распределяется правильно, буквально, «не утекает», для борьбы с чем он предложил учредить в Петрограде специальную организацию, которая занялась бы распределением хлеба.

Риттих предлагал ввести контроль за распределением муки в Петрограде еще в конце декабря 1916 г. Однако его почин натолкнулся на юридическую проблему, Законодательство Российской империи не предусматривало наличия органов (тем более, подчиненных городскому главе), которые контролировали бы расход и поступление продуктов питания. Страна про-

³ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д.75. Л.3.

должала жить по законам мирного времени. Городской голова Петрограда в декабре 1916 г. обещал министру земледелия «протолкнуть» в Думе вопрос о введении контроля за продовольствием в столице, однако практически до конца февраля 1917 г. этот проект так и продолжал «лежать в столе» у градоначальника [21].

В ответ на доклад Риттиха член Думы Шингарев обвинил министра земледелия в том, что именно он отказом в ноябре 1916 г. городской думе Петрограда в организации местного контроля за продовольствием затянул процесс решения хлебной проблемы. Риттих, будучи типичным императорским чиновником, обратился с предложением создать такие структуры при государственных властях, пренебрегая местным самоуправлением.

Как сообщил Шингарев, еще из сделанных в 1916 г. хлебных запасов (порядка миллиона пудов), по просьбе министра земледелия, градоначальник Петрограда выделил пекарням зимой 1917 г. без малого 700 тыс. пудов, что создало дефицит, который мог быть решен только срочным подвозом крупных партий муки. Понимая сложность ситуации, 13 февраля 1917 г. глава Петрограда обратился к председателю Совета министров с просьбой принять решение по хлебному вопросу, тот ответил, что подумает, но решение принято так и не было [21].

Именно после доклада Риттиха и заявлений Шингарева депутат Керенский выступил с предложением отправить правительство в отставку. Обычно солидарный с Керенским Чхеидзе осторожно призвал не спешить с выводами и все-таки в дальнейшем выслушать председателя Совета министров, пока же, как настаивал Чхеидзе, необходимо было выработать закон, дававший местным органам самоуправления возможности контролировать распределение продуктов питания [21].

Со слов Риттиха и Шингарева, относительно ясно вырисовываются контуры проблемы со снаб-

жением Петрограда хлебом в те зимние дни 1917 г. На момент начала беспорядков в столице имелся запас в 300 тыс. пудов, чего при ежедневной выпечке 8 тыс. пудов хлеба [21] (а это требовало максимум 5 тыс. пудов муки) должно было хватить примерно на два месяца. По данным Риттиха, еще с начала февраля для Петрограда были назначены дополнительные хлебные эшелоны, поэтому к началу марта снабжение, опять-таки со слов Риттиха, должно было улучшиться.

Оппозиция в Думе использовала выступление Шингарева для постановки вопроса о замене кабинета министров. Дело в том, что многие депутаты подозревали Риттиха в халатности, а его пренебрежительное отношение к местному самоуправлению «подлило масла в огонь», хотя явных причин для угрозы голода в столице не существовало. Проблема, очевидно, заключалась в том обстоятельстве, что мука, по выражению министра, куда-то «утекала».

Интересно высказывание думского депутата по фамилии Ржевский на заседании 25 февраля по поводу ситуации со снабжением: им было предложено установить контроль за распределением продовольствия в северных губерниях, но, что удивительно, в сельской местности. Соответственно, Петроград был далеко не единственным местом, где имели место сбои со снабжением.

В тот же день, 25 февраля 1917 г., проходило заседание Петроградской думы. Министра Риттиха там также критиковали, но не за проволочки с представлением расширенных прав местному самоуправлению. Гласный городской думы генерал-адъютант П. П. Дурново заявил, что обещанные министром земледелия поставки 27 вагонов с мукой в день однозначно недостаточны для обеспечения Петрограда: старая минимальная норма составляла 35 вагонов в день, хотя для нормального снабжения города необходимо были

50 вагонов с мукой⁴, отсюда получалось, что хлеба в городе должно было хватить только на две недели.

Надо учитывать, что Петроград к 1917 г. являлся не просто столицей одного из крупнейших государств-участников мировой войны, но и фактически прифронтовым городом, через который и из которого шла отправка грузов и воинских эшелонов на Северо-Западный и другие фронты. Естественно, совмещение функций столицы, центра снабжения армии, военно-промышленного центра и одной из зон базирования флота привели к росту численности населения города. Большой вклад в этот процесс сделал наплыв беженцев. Разумеется, из-за мобилизации имело место и обратное явление — движение населения из столицы на фронт, но население Петрограда росло не только за счет беженцев. В 1914–1915 гг. в городе имел место большой спрос на рабочую силу, поэтому произошел приток рабочих из других губерний. К зиме 1917 г. в империи начался энергетический кризис, который уже не только не позволял наращивать производство, но вел однозначно к его сокращению. Это делало ненужными сотни тысяч рабочих, нанятых предприимчивыми промышленниками в период бума военных заказов 1915 г.

Таким образом, перебои со снабжением в сочетании с угрозой массовых увольнений и их началом на Путиловском заводе спровоцировали выступления масс рабочих. Поэтому Февральскую революцию в Петрограде вполне можно называть «пролетарской» с точки зрения основных ее участников.

То, что произошло после вечера 25 февраля 1917 г., достаточно интересно и показательное уже не с точки зрения истории институтов и экономики, но с позиций политической истории. Согласно донесению Петроградского охранного отделения в Министерство вну-

⁴ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 75. Л. 3.

тренних дел, петроградская организация РСДРП (б) на своем собрании 25 февраля приняла решение создать 26 февраля комитет управления массами митингующих рабочих. В случае слабой реакции властей на демонстрации 27 февраля большевики планировали приступить к сооружению баррикад. Эти данные охранки противоречат высказанным выше сообщениям социалистов-участников тех событий, что руководство большевистской организации Петрограда почти не предпринимала действий до начала марта 1917 г. Однако мы видим, что, согласно донесениям охранки, руководство большевиков было непричастно к акциям протеста 21–25 февраля. Соответственно, 26 февраля должно было стать решающим днем, когда режим империи должен был показать, есть ли у него еще потенциал защищаться.

На том же заседании 25 февраля 1917 г. Петроградская организация РСДРП (б) впервые предложила создать Советы по образцу тех, что были в 1905 г., но изначально планировалось создать информационное бюро как переходную к Советам форму.

Охранка планировала арестовать 200 активистов протестного движения, включая и 30 членов рабочей группы закрытого незадолго до февральских событий Центрального военно-промышленного комитета, связанного с депутатом А. И. Гучковым⁵. Центральный военно-промышленный комитет должен был собраться в своем бывшем здании на Литейном, 48 для обсуждения проблемы с продовольствием в столице. Рабочая группа комитета — это избежавшие в свое время ареста рабочие, приглашенные в комитет думцами еще в 1916 г.

Ночью 26 февраля верные правительству воинские части начали разгон демонстрантов. Огонь в густую толпу боевыми патронами привел в разных местах Петрограда к гибели более пятидесяти человек⁶. В борьбе

⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 825. Л. 1–1об.

⁶ Там же. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 34–35 об.

с демонстрантами принимали участие, судя по данным охраны, солдаты Павловского полка, которые затем были зачислены советской историографией в разряд революционных солдат. В тот же день охранка арестовала порядка сотни лидеров социалистических движений столицы.

Казалось бы, угроза революции 26 февраля миновала после жесткой реакции властей на демонстрации и собрания оппозиции. 27 февраля планировалось усилить присутствие войск в столице, чтобы исключить повторения выступлений масс⁷. На улицы выдвигались запасные батальоны гвардейских полков.

На фоне этих событий 26 февраля председатель Думы М. В. Родзянко решил предпринять меры по стабилизации положения в стране, однако эти меры свелись лишь к посещениям председателя Совета министров Н. Д. Голицына и военного министра. На требования прогрессивистов собрать 27 февраля (в понедельник) экстренное собрание Думы Родзянко ответил решением собрать частное собрание думцев вечером 27 февраля, вопреки плановому графику, по которому собрание должно было состояться 28 февраля. Против перехода работы Думы в режим экстренного собрания выступали правые и октябристы⁸.

27 февраля 1917 г. демонстрации продолжились в нарастающем темпе. В отличие от 26 февраля, войска и полиция теперь применяли пулеметы, установленные на чердаках и колокольнях. Войск на улицах было больше, этот фактор и стал фатальным для императорского режима: солдаты запасных батальонов стали переходить на сторону митинговавших, практически одновременно с ними к протестующим стали присоединяться казаки [14]. Таким образом, 27 февраля свержение правительства вступило в активную фазу. Од-

⁷ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 79. Л. 1-17.

⁸ Утро России. 1917. 27 фев.

нако речь еще не шла о свержении Николая II и, тем более, устранении монархии как института.

На первом собрании Петроградского Совета в Таврическом дворце вечером 27 февраля, председателем которого был избран Чхеидзе, обсуждались в основном продовольственные проблемы. Было принято решение изъять муку для передачи в пекарни из всех практически государственных складов, какие имелись в столице. 28 февраля экономические вопросы также доминировали в обсуждениях в Петроградском совете: было решено установить контроль депутатов совета за железными дорогами в Петрограде и его окрестностях [10, с. 40–41].

1 марта 1917 г. Петроградский совет издал знаменитый Приказ № 1, который считают причиной развала дисциплины в армии. Однако текст приказа не содержит каких-то пунктов (кроме одного), которые могли бы сильно подорвать дисциплину в воинских частях, особенно после того, что произошло в столице 26 и 27 февраля. Обязательное отдавание чести офицеру отменялось только во внеслужебное время. Старое титулование офицеров также отменялось, вместо него вводилось обращение к офицеру «господин», что не противоречило практике всех армий Антанты. Разбирательство конфликтов между солдатами и офицерами передавалось в ведение ротных комитетов [19], и этот единственный пункт привел к началу дезорганизации в воинских частях.

3 марта 1917 г. Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов вынес постановление арестовать Николая II, а также князей Михаила Александровича и Николая Николаевича. Таким образом, решение об арестах Романовых социалисты приняли на другой же день после отречения Николая II, когда этот факт стал уже достоверно известен и неоспорим.

Можно сделать общий вывод, что решающую роль в событиях Февральской революции в Петрограде

сыграли не крупные политики, а «маленькие люди». Те неизвестные ораторы, которые сыграли огромную роль в революционном возбуждении масс в феврале 1917 г., практически так и остались в основном неизвестными. Многие из них были теми, кого тогда называли «независимыми социал-демократами», и рядовыми большевиками.

Германская импортозамещающая мобилизация и Ноябрьская революция в Германии

Рассмотрим теперь, какую роль сыграли вопросы обеспечения рабочих продуктами в падении германской монархии Гогенцоллернов.

Случай Германии в годы Первой мировой войны нельзя назвать типичным, если судить только с позиций чистых экономических правил поведения сложной социальной системы в неординарных условиях. Во-первых, морская блокада, которой долгое время в литературе приписывали катастрофическое воздействие на германскую экономику, оказалась не столь эффективной; у Германии оставалось, как показали события 1915–1918 гг., много альтернатив (в частности, завоевать восточные территории, включая Украину, и вывозить оттуда продовольствие и сырье, что и было сделано в 1918 г.). Во-вторых, Германия имела достаточно внутренних ресурсов: как показала зима 1914–1915 гг., даже мобилизация крестьянских масс не привела к коллапсу продовольственного снабжения городов. В-третьих, Германия в промышленном аспекте имела достаточно большое преимущество над своими противниками. По выплавке чугуна, стали и добыче угля перед войной Германия и союзная ей Австро-Венгрия имели соотношение со своими противниками, выраженное в следующих пропорциях: все ведущие государства Антанты (Британия, Франция и Россия) выплавляли 18,4 млн т чугуна против 16,5 млн т Германией и Австрией, по стали 15,23 млн т против

17,8 млн т, по углю 362,1 против 302 млн т [1, с. 23]. Однако против каждой отдельно взятой страны Германия имела превосходство по выплавке стали и чугуна. Учитывая, что Британии приходилось вести боевые действия еще против Турции на отдаленных театрах военных действий, Германия и Австро-Венгрия имели в начале войны несомненное превосходство в Европе над Антантой.

К концу войны преимущества Германии во многом сохранялись. Правда, в 1918 г. выплавка чугуна в Германии упала на 28,8 % по сравнению с 1913 г., стали – на 15,8 % [23]. Но снижение производство черных металлов в Германии нельзя назвать катастрофическим по сравнению с Францией и Россией. Меры, согласно плану Гинденбурга, направленные на повышения уровня добычи железной руды, не дали результата, с чем принято связывать снижение выплавки чугуна и стали в Германии в конце войны. Как отмечал Шигалин, в добыче руды произошло сильное ухудшение из-за падения в 1917 г. производительности труда и сокращения рабочей силы [23]. С последним трудно согласиться, так как в Германии и Австрии на то время было более 3 млн пленных итальянцев, русских и представителей других армий Антанты. В распоряжении Германии также оказались рабочие руки из бывшего Царства Польского и оккупированной Бельгии.

Снижение производительности труда, очевидно, имело место, как среди граждан Германии, так и, разумеется, среди военнопленных и иностранных рабочих. Причину этого явления мы попытаемся найти в сфере нормирования питания. Именно этим фактором, на наш взгляд, объясняется не только снижение добычи сырья и производства полуфабрикатов, но и отставание Германии в сфере выпуска вооружений. Если Англия и Франция произвели за всю войну около 100 тыс. самолетов, то Германия только 47 300. Существенно хуже у немцев обстояло дело с авиационными мото-

рами: германская промышленность за всю войну выпустила 44 тыс. моторов для самолетов, когда Англия и Франция — порядка 140 тыс. [23]. При этом немцы задействовали в авиационной промышленности 180 тыс. человек к концу войны, тогда как французы — 185 тыс., Англия — 268 тыс. человек [25, р. 413]. Таким образом, в Германии за всю войну произвели 1 авиатор на 4 работников, в то время как во Франции этот показатель составил 1 мотор на примерно 2 занятых в авиапроме, в Британии — 1 мотор на приблизительно 5 человек [23] (англичанам приходилось выпускать более тяжелые двигатели для бомбардировщиков и гидропланов в большем количестве, чем их союзникам и противникам).

Таким образом, объем использованных ресурсов в кайзеровской Германии периода Первой мировой войны однозначно не соответствовал объемам выпуска военной продукции (что, в общем-то, было характерно и для нацистской Германии в 1933–1941 гг.). В обоих случаях мы объясняем эти диспропорции между затратами и выпуском сравнительно низкими возможностями рабочей силы, которая, несмотря на высокую квалификацию и достаточную оснащенность орудиями труда, демонстрировала не столь высокие результаты, какие должны были быть.

После неудач во Франции летом-осенью 1914 г., когда вермахту так и не удалось взять Париж, в Берлине была образована комиссия по распределению хлеба среди населения столицы кайзеровской Германии. В те годы в Берлине проживали 3,6 млн человек. На каждого жителя столицы были определены 1,9 кг хлеба в неделю, что было примерно на треть меньше нормы потребления мирного времени. Тем не менее, в первые 12 месяцев войны распределение хлеба в Берлине, а затем и в других городах Германии встретило энтузиазм. На фоне административного распределения, которое осуществляли муниципалитеты и ассоциации

пекарей, сохранялся вполне легальный рынок хлеба, ограниченный ресторанами и отелями.

Немецкий опыт оказался успешным до конца 1916 г., когда дала о себе знать мера, инициированная патриотически настроенными муниципалитетами, — население стало принуждаться к отказу от потребления импортного белого хлеба. Стремление к замещению пшеницы рожью исходило от правительства, но это была часть мер по сокращению импорта потребительских товаров, чтобы сэкономить ресурсы на закупки стратегических военных товаров. По всей видимости, многим немецким чиновникам не пришло в голову, что немецкие крестьяне будут вести себя намного менее патриотично, чем городские обыватели. Германские крестьяне (для западных провинций рейха было бы правильнее сказать, фермеры) снизили масштабы запашки, столкнувшись с искусственным ограничением спроса в городах, и совершенно не стремились компенсировать импортную пшеницу национальной рожью [29, р. 374]. Неурожай 1916 г. усугубил ситуацию: в конце этого года морская блокада Германии дала о себе знать в полную силу, нормы выдачи хлеба в Берлине упали до 1600 г на неделю. Зимой 1917 г. власти столицы предприняли попытки заменить зерно картофельным эрзацем, но к апрелю того же года закончился и этот продукт. В то же время имевшая доступ к неевропейским рынкам зерна Британская метрополия не испытывала таких трудностей. Крестьяне перевели часть урожая ржи на корма скоту, так как Германия в военных условиях была лишена доступа к ежегодно импортировавшимся до войны 6 млн т кормов [29, р. 375].

В апреле 1917 г. в Берлине начались беспорядки, толпы голодных устремились к городской ратуше. В дело вмещались представители исполнительной власти Пруссии, они присоединились к городским властям столицы в процессе новой разработки страте-

гии спасения берлинцев [29]. Эти меры, выработывавшиеся совместно с профсоюзами, имели мало пользы: они сводились в основном к усилению полицейского контроля за распределением муки. В ответ берлинские пекари требовали разрешить использование импортной муки, на что городские власти Берлина ответили упреками в адрес хозяев пекарен, что те активно сотрудничают с черным рынком, при том, что пекарни хозяйственно полностью зависели от муниципальных властей и были жестко подотчетны им [29, p. 376].

В целом положение берлинцев хоть и оставалось тяжелым, но, скорее всего, не таким, как петербуржцев. Очевидно, работал черный рынок. К тому же, принятые властями других городов меры снижали дефицит продовольствия, что оставляло больше ресурсов для столицы. Например, жители Ульма относительно безболезненно пережили войну, потому что муниципальные власти города уже в 1914 г. отвели под посадки картофеля свободные городские площади. Похожие меры были приняты властями Штутгарта в 1916 г. [29, p. 377].

Эти меры на локальном уровне могли спасти Германию от голода, но вмешался генерал Людендорф — человек, который считал себя знатоком во всем. Он решил поставить под контроль центральной военной власти все запасы зерна империи. Теперь, согласно формуле Людендорфа, муниципальные власти могли получать зерно только в административном порядке с государственных складов. Приоритет, конечно, отдавался армии, которая также получила право снабжать зерном важные для обороны предприятия. Людендорф в 1917 г. установил жесткую иерархию потребления вместо той мягкой, что существовала до этого. Смысл этих мер не совсем понятен, так как Германия захватила огромные территории на Востоке, имела доступ к продовольственным ресурсам Бельгии, и, контролируя Балтику, могла импортировать продовольствие из Швеции и Дании.

Ужесточение иерархии потребления не способствовало сбалансированности в потреблении продовольствия. На примере Берлина было видно, что старые проблемы довоенного капитализма только обострялись с каждым годом. Когда в рабочих кварталах возник дефицит продовольствия, то в западных богатых кварталах столицы за те же карточки обеспеченные семьи могли приобрести продукты без очередей.

Тем не менее, берлинская экономика продемонстрировала парадокс: цены на хлеб в период тяжелой зимы 1916–1917 гг. даже упали по сравнению с летом 1915 г. Причиной стал переход на новые технологии выпечки, когда в хлеб добавлялись различные низкокачественные примеси [29, р. 380]. Тем не менее, это позволило сократить дефицит продовольствия. Поэтому популярное после Первой мировой войны на Западе мнение, что немцы в тылу голодали, частично опровергнуто: в ходе статистических исследований выяснилось, что проблемы с продовольствием население Германии действительно остро испытывало зимой 1916–1917 гг. и летом 1918 г. [29, р. 380].

Проблемы с продовольствием лежали не в сфере новых ограничений, вызванных непосредственно войной, а в обострении противоречий, существовавших до войны. Главным из них был низкий доступ рабочих к благам, который в военное время стал еще более ограниченным. Например, занятому на тяжелых производствах берлинскому рабочему полагалась недельная прибавка к хлебному пайку в размере только 450 г, что не соответствовало даже средней довоенной норме потребления простого берлинца (не занятого, как правило, на тяжелых работах). Очевидно, профсоюзы не придавали значения этой проблеме. Интересно в этой связи, что для подачи просьбы в госорганы о повышении нормы хлебного пайка рабочим требовалось взять одобрительное письмо от своего работодателя. Имперские чиновники ограничили круг лиц, имеющих

право на получение прибавки к пайку. Во время тяжелой зимы 1916–1917 гг. имперские чиновники урезали дополнительный паек для занятых на тяжелых работах берлинцев с 450 до 350 г, что вызвало недовольство среди рабочих [29, р. 382]. В то же время многим было очевидно, что в армию направлялись слишком большие объемы продовольствия: доходило до того, что немецкие солдаты кормили низкокачественным ржаным хлебом лошадей.

Представители независимых политических левых группировок признавали, что неравноправие в распределении продуктов питания между буржуазией, связанной с ней бюрократией и рабочими ведет страну к неудачам на фронте, так как рабочим физически трудно выполнять свои обязанности. Главным требованием левых в дни апрельских беспорядков 1917 г. было равноправие в потреблении между классами общества во имя победы. Ответом на требования левых стало увеличение прибавки к пайку до 500 г. Прибавка также распространилась на рабочих, которые официально были признаны больными [29, р. 382].

Почему этого не произошло ранее? Чиновники и работодатели оставались безразличны к материальному положению рабочих, даже тех, кто был занят на тяжелых военных производствах. Очевидно, что резервы продовольствия имелись, но их надо было выбивать. Таким образом, социально-культурный фактор — пренебрежительное отношение элиты к пролетариату — перевешивал в данном случае экономическую рациональность. Интересно, что изначально приоритеты в обеспечении дополнительным пайком рабочих отдавались в пользу мужчин старше 21 года, хотя к 1917 г. значительное количество вакансий на военных предприятиях было занято женщинами.

Рацион в 1 900 г сам по себе был мал для подавляющего большинства рабочих и служащих, нагрузка на которых увеличилась в период войны. Лишь давле-

ние левых вынудило государство пойти на повышение хлебного пайка до 2 350 г для лиц, занятых на тяжелых и особо тяжелых работах, но случилось это уже в конце войны [29, р. 385].

Немаловажной проблемой все-таки оставалось снабжение Германии импортным продовольствием. Блокада со стороны Англии не лишала германскую экономику выхода на многие рынки. Летом 1915 г. германские войска заняли территорию Царства Польского, оккупировав также Литву и значительную часть Белоруссии. Спустя год большие экономические возможности дала оккупация Румынии. В Польше только одна провинция Познань была почти в 2 раза лучше наделена сельскохозяйственными землями, чем Восточная Пруссия. С 1 июля 1915 г. поляки на оккупированных территориях обязаны были сдавать 50 % своего урожая зерновых рейху; принудительные сдачи при оплате по ценам монополии распространялись также на ряд других товаров [26, s. 14–15]. Сами немецкие чиновники считали цены, по которым польские крестьяне сдавали продукты, высокими, однако практика показала, что поляки предпочитали продавать продукцию на черный рынок, особенно это касается последнего квартала 1916 г. [26, s.16]

«Саботажное» поведение польских крестьян нельзя объяснить с чисто политических позиций (как форму протеста), поскольку в 1916 г. кайзер Вильгельм II всерьез поставил вопрос о предоставлении Польше независимости. Принимая во внимание отсутствие у государств Центра в том году серьезного превосходства над Антантой, поляки вполне могли рассчитывать на то, чтобы выторговать себе реальный суверенитет. В то же время возврат линии фронта на их территорию не сулил полякам ничего хорошего (если вспомнить, какие материальные потери в 1914–1915 гг. претерпела Польша), поэтому и поражение вермахта не было в интересах польского общества.

Правда, 5 ноября 1916 г. в ряде регионов Польши вспыхнули антигерманские выступления крестьян, оккупационным властям пришлось даже призвать на помощь вермахт. Однако главным мотивом здесь со стороны крестьян стало появление в Польше своего национального правительства, после чего поляки объявили, что теперь власть немецких оккупационных структур лишена легитимности.

Таким образом, «продразверстка» по-немецки в Польше не удалась. Польские крестьяне, как и их немецкие коллеги, саботировали государственные закупки продуктов, исходя из преимущественно экономических мотивов, а не из каких-то политических соображений. Немецкие власти обвиняли польских политиков в подстрекательстве, однако поведение польских крестьян вполне объяснялось чисто экономическими интересами: черный рынок польских городов предлагал лучшие цены. В результате немцам удалось вывезти из Польши с 1915 по 1918 г. только 220 тыс. т картофеля и несколько десятков тысяч тонн других продуктов растительного происхождения. Как выявили переговоры с правительством «Польского королевства» летом 1917 г., поляки готовы были поставлять в год в рейх 10 тыс. т зерновых и 100 тыс. т картофеля, что, конечно, было очень мало.

Поставки мясомолочной продукции и птицы были в Польше более масштабными, однако это было достигнуто немецкими властями также и за счет покупок по свободным ценам. В Германию в 1915–1918 гг. было вывезено 120 млн яиц, 900 тыс. гусей, 400 тыс. единиц другой птицы, почти 3 тыс. т масла, 4150 т сыров, 20 тыс. вагонов фруктов и овощей [26, s. 17]. Дело в том, что продукция, не относившаяся к зерновым, не попадала в самой Германии под государственную монополию, поэтому германские оккупационные власти действовали свободнее на польском рынке. Только перечисленными объемами вывезенных про-

дуктов питания можно было почти год кормить трехсоттысячную армию.

Польское сельское хозяйство сильно пострадало в годы активных боевых действий на ее территории в 1914–1915 гг., чем, помимо прочего, можно объяснить и скромные поставки в Германию зерновых, и упадок животноводства, поскольку значительные поголовья скота были уничтожены либо угнаны отступавшими российскими войсками. Осознавая политические последствия насильственных реквизиций, немецкие оккупационные власти пошли на таковые только во втором полугодии 1918 г., хотя подобные акции в меньших масштабах практиковались и до этого. В Германию было отправлено для обеспечения мясом Западного фронта 120 тыс. голов крупного рогатого скота и 50 тыс. свиней [26, с. 19]: этого было достаточно, чтобы год кормить 250–300 тыс. солдат (правда, держа их на строгой диете).

Немецкие власти начали диалог по экономическим вопросам с польскими политическими силами довольно поздно, лишь летом 1917 г. Мероприятия по заготовкам продовольствия практически не коснулись в 1916–1917 гг. восстановления производственной базы польского сельского хозяйства. Это было характерно и для политики в отношении немецкого крестьянства: меры правительства рейха носили преимущественно принудительно-рекомендательный характер, ограничиваясь сферой распределения, а не производства. Похожим путем пойдет нацистское правительство в 1933–1941 гг., что создаст схожую ситуацию в немецком сельском хозяйстве к концу 1941 г.

Тем не менее, потоки продовольствия в Германию, будь они в должном объеме организованы, все равно наталкивались бы на непонимание чиновниками проблем продовольственного снабжения: имперские власти продолжали усиливать иерархию потребления, все более сокращая рыночные механизмы обеспече-

ния продовольствием населения. И здесь доминировали, как мы сказали выше, социально-культурные факторы. В понимании немецких чиновников и многих работодателей производительность труда рабочего должна была поддерживаться в первую очередь патриотизмом, при этом ограничение в потреблении продуктов питания элитой особо не предусматривалось.

Даже отмена нормирования потребления хлеба после войны, в 1920 г., не привела к появлению нормального хлебного рынка в Германии на фоне набравшей обороты инфляции. Появление нового дефицита продовольствия для бедных слоев общества было обусловлены неравноправием и неравенством в распределении доходов в немецком обществе. Государство не справлялось со спекуляцией и обесцениванием марки, так как элита продемонстрировала полные неготовность и нежелание это делать. Исчезновение такого фактора как военная дисциплина в тылу подтолкнула пекарей к временным закрытиям лавок в бедных районах Берлина, что только провоцировало экспансию черного рынка в германской столице [29, p. 386].

Как показали события 1919–1920 гг., когда берлинцы после военных лет вышли громить хлебные лавки, дефицит продовольствия менее всего ответственен непосредственно за свержение монархии Гогенцоллеров. Но нехватка калорий у немецких рабочих снизила производительность труда в германской промышленности, что и стало причиной неудач вермахта на полях Фландрии в 1918 г.

Отличительной чертой германской Ноябрьской революции 1918 г. в этой связи является ее милитаризованный и достаточно удаленный от основных промышленных центров страны характер. По сути, это был мятеж армии, поддержанный социал-демократами и другими оппозиционными кайзеру силами в столице. Даже во время знаменитой январской заба-

ставки берлинских рабочих в семи пунктах политических требований левых активистов пункт «качественной еды и в больших количествах» значился последним в списке [24, р. 160]. Как заметили исследователи, у бастовавших рабочих Берлина в те январские дни практически отсутствовали четко обозначенные экономические требования [24, р. 162].

Голод в аграрной Австро-Венгрии и крушение империи Габсбургов

То, что случилось с австро-венгерской монархией Габсбургов, менее всего можно объяснить только военными неудачами. Хотя в 1916 г. русские войска под руководством Брусилова разбили 4-ю австрийскую армию, прорвав фронт в Карпатах, однако контрудары германских войск стабилизировали положение. Обескровленная Брусиловским прорывом Россия не смогла спасти Румынию, которая была раздавлена в конце 1916 г. австро-венгерскими войсками и германским вермахтом. Победа над Румынией стала, однако, последней победой Австро-Венгрии.

Австро-Венгрия считалась аграрным раем Европы: в средние века на земли, которые стали в результате войн Австрии с Турцией владениями Габсбургов, стекались аграрные поселенцы со всей Европы. Однако перераспределение земель в пользу аристократии создало ситуацию, когда земельный фонд оказался крайне непропорционально распределен.

Венгрия являлась главным поставщиком продовольствия в Австро-Венгерской империи до войны. Когда в 1920 г. власти уже независимой Венгрии начали аграрные реформы, то при предварительной переписи хозяйств выяснилось, что 694 тыс. венгерских крестьян вовсе не имели земли, еще 620 тыс. венгров довольствовались малыми участками, выступая в аграрной экономике преимущественно в качестве сельского пролетариата. Таким образом, большинство

венгерских крестьян были на момент крушения империи Габсбургов безземельными или малоземельными. В распоряжении венгерского крестьянства находилось примерно 50 % всего земельного фонда страны, а около 11 тыс. крупных и средних землевладельцев обладали остальной половиной венгерских сельскохозяйственных площадей [30, р. 589]. Таким образом, наблюдалась концентрация земельной собственности в очень крупных хозяйствах, что, если рассуждать чисто теоретически, могло спасти всю Австро-Венгерскую империю от дефицита продовольствия. Но, как и в России, крупные поместья вовсе не обеспечили изобилия. Причина банальна: австро-венгерские поместья опирались в основном на дешевый труд батраков, но не на механизацию и новые технические методы, как это делали американские и английские фермеры.

Проблемы с продовольствием в городах Австрии начались еще летом 1915 г., что коснулось не только гражданских, но и военных. В феврале 1916 г. генеральным штабом империи было признано, что продовольственный кризис скоро сделает то, что не могут сделать вражеские армии. В мае 1916 г. в Вене была организована специальная Продовольственная комиссия, правда, эта структура оказалась не в состоянии решить стоявшие перед страной проблемы. По оценкам австрийских экспертов, взрослый мужчина должен был получать 3 000 калорий в день, однако средняя норма калорий в Австрии не могла быть выше 1 985 калорий, а по факту она составила в начале 1916 г. лишь 1 336 калорий [27, р. 451]. В городах вспыхивали голодные бунты, население грабило продовольственные лавки, однако, как и во время первых хлебных бунтов в российских городах, политика не играла доминирующей роли в мотивах протестовавших. Группы молодежи просто громили магазины, а толпы женщин требовали хлеба.

Ситуация в Вене чем-то напоминала Петроград. К началу войны в городе проживало значительное ко-

личество пенсионеров, в основном бывших военнослужащих и гражданских чиновников. К марту 1915 г. в госпиталях столицы империи скопилось 260 тыс. раненых, к ним добавились 200 тыс. беженцев, которые видели в столице доступ к государственной помощи — доступ более легкий, чем в провинции. К тому же в Вене легче можно было найти работу, что способствовало притоку в город многочисленных мигрантов. К лету 1915 г. количество жителей Вены (включая мигрантов) перевалило за 2,4 млн человек, оставаясь таковым стабильно до конца войны⁹.

Вопреки популярному мнению, что Европу в 1916 г. поразил неурожай, Дэвид Хамлин приводит информацию, что в Германии наблюдался, напротив, рост сбора зерновых, но проблема заключалась в логистике [27, р. 452]. Очевидно, подобное относится и к Австро-Венгрии, которая могла закупать на Балканах большие объемы продукции, как это делали (хотя и в небольших масштабах) в Румынии немцы. Когда же Румыния, которая долго колебалась, воевать или не воевать, все-таки присоединилась к Антанте, то германо-австрийские силы разгромили румынскую армию к ноябрю 1916 г. Между концом октября 1916 и серединой мая 1918 гг. немцы и австрийцы вывезли из Румынии около 1,9 млн т зерна, почти две трети ушло австрийцам. Кроме того, войска Центральных держав, находившиеся на территории Румынии, кормились за счет нее. Помимо зерна, оккупационные власти вывозили из Румынии и другое продовольствие: в начале 1917 г. называлась цифра, что только через Бухарест в государства Центра отправлялось по 300 тыс. т продуктов в месяц [27, р. 465]. В результате за период оккупации умерли от голода 400 тыс. румынских граждан [27, р. 470].

⁹ Материалы выставки: *Wohin der Krieg fuehrt. Wien im Ersten Weltkrieg 1914–1918*. URL : <http://www.wienbibliothek.at/veranstaltungen-und-ausstellungen/ausstellungen/wien-im-ersten-weltkrieg.html>.

Вывоз упомянутых выше объемов продовольствия не мог спасти империю Габсбургов от коллапса, значительную часть ресурсов забирала армия. В январе 1918 г. хлебные пайки были урезаны, что вызвало уже бурю протестов, которые уже шли под политическими лозунгами (к тому времени значительный процент персонала австрийских военных заводов составляли женщины, что добавляло протестам остроты). Снижение норм выдачи хлеба протекало на фоне роста цен, что добавило драматизма ситуации. В июне 1918 г. хлебный рацион венца был сокращен вдвое. Люди вышли на улицы, протестуя больше против бездействия властей, нежели против монархии как таковой. Толпы венцев, смешиваясь с протестовавшими солдатами расквартированных в столице частей, устремились за пределы города в деревни, требуя силой от землевладельцев отдавать хлеб. Сами июньские выступления венцев были подстегнуты информацией о том, что крестьяне придерживают хлеб, провоцируя рост цен на черном рынке [28].

Крушение монархии Габсбургов протекало по сценарию, похожему на российский. 21 октября 1918 г. в ответ на заявления национальных регионов Австро-Венгрии о суверенитете в Венском дворце депутатов нижних австрийских земель собрался Совет империи из числа немецкоязычных депутатов, избранных еще в 1911 г. Обсуждались вопросы формирования немецкоязычной Австрии как отдельного государства. Старое правительство прекратило свое существование, поэтому предстояло сформировать кабинет из 20 представителей. Однако общество Вены и всей Австрии так устало от войны, что не было заметно сильного оживления по поводу этого события в прессе, когда на 30 октября было намечено собрание депутатов для окончательного решения судьбы немецкоязычных земель Австро-Венгрии. В этот день тысячи демонстрантов из солдат и рабочих подошли к зданию дворца депутатов. Демонстранты требовали отречения кайзера от престола и

провозглашения республики. 12 ноября 1918 г. в Вене была провозглашена республика. Однако этот день был омрачен трагедией, собравшаяся у здания австрийского парламента толпа была обстреляна из пулемета, несколько десятков социал-демократов получили ранения. В толпе были и коммунисты, которые считали выступление 12 ноября своим днем неудавшейся революции: тогда же, 12 ноября 1918 г., коммунисты попытались захватить помещение редакции «Новой свободной прессы», но были отбиты полицией¹⁰.

По всей видимости, начавшаяся после выхода Австрии из войны экономическая стабилизация в стране или же ожидание стабилизации в связи со сворачиванием военной активности привели к ослаблению интереса пролетариата к левым и ультралевым идеям. Кроме того, последний правивший Габсбург Карл I отказался от полицейских мер по отношению к оппозиции, ограничившись попытками отстоять свою власть, обратившись за поддержкой к христианским социалистам. Грубо говоря, политическая разрядка способствовала росту надежд общества на позитивное изменение экономической ситуации, что, в целом, через 2–3 года и произошло.

Выводы

Германская, Российская и Австро-Венгерская империи были во многом схожи по своей социально-культурной сути: в частности, государственная власть всех этих стран обращала активное внимание на сферу распределения, когда речь шла о мобилизации экономики. Но активность государства имела разные формы.

В случае с Российской империей на примере Петрограда зимы 1916–1917 гг. мы видим, что государственная власть даже не стремилась к контролю над

¹⁰ Реферат: Leser N. Gab es eine österreichische Revolution? URL : http://www.parlament.gv.at/PAKT/PR/JAHR_1998/PK0711/index.shtml.

всей цепочной движения товаров от производителя к потребителю, сохраняя за собой только частично контроль над запасами на складах и транспортировкой хлеба в столицу. Примечательно и в то же время удивительно, что Петроградская дума, как и Дума империи, наравне с исполнительной властью стали заниматься исчислением необходимого количества хлеба и средств его доставки в столицу только после начала беспорядков на улицах Петрограда. В отличие от властей кайзеровской Германии, российские чиновники в начале войны с пренебрежением отнеслись к вопросам обеспечения населения продовольствием. Та же картина наблюдалась и с беженцами: только после вполне прогнозируемого массового наплыва беженцев в Петроград государство стало принимать соответствующие меры, причем, опять-таки обращаясь к общественным организациям и местному самоуправлению.

Являются ли перечисленные «провалы» следствием культуры власти в России? Мы думаем, что да. Исполнительная власть в России начала XX в. была слишком полицейской по своему характеру и относилась слишком пренебрежительно к местному самоуправлению, права которого не были оформлены конституционно. Данный принцип наиболее ярко проявился во время событий февраля 1917 г., когда «бунтовщики» были очень слабо организованы, но и монархию никто не поддержал.

Что касается немецкого случая, то, в противоположность России, германские власти развивали принцип жесткой иерархии потребления, распространив его, правда, в основном на хлеб. Неудачи в сфере нормирования вытекали не из элементарного отсутствия необходимых запасов хлеба, который находился, когда рабочие выходили на улицы, а из социально-культурного фактора. Власть в Германии исторически была оторвана от пролетариата в культурном и социальном аспектах, поэтому пролетариат ею рассматривался как массы по-

допечных, которых в условиях войны следовало обеспечивать по остаточному принципу. В том же русле действовали и многие немецкие работодатели, социально связанные с властью в рейхе. В соответствии с принципами построения иерархии потребления по Гинденбургу и Людендорфу, приоритеты должны были отдаваться воюющим и управленцам. Однако сами рабочие в апреле 1917 г. стали «объяснять» власти, что победа зависит в первую очередь от производительности труда на заводах. Левые в Германии осознали, что ключ к победе лежит не в штабах и окопах, а в заводских цехах.

Австрийский случай мы привели специально, чтобы показать, что рыночные механизмы в условиях военной мобилизации могли эффективно работать в сфере продовольственного снабжения только тогда, когда на селе был сильный фермер, как это было в США, Канаде и Англии. Все другие варианты давали низкий народнохозяйственный эффект даже в условиях высокопродуктивных почв и очень благоприятных климатических условий, а также наличия гарантий частной собственности на землю. В этой связи Австрия продемонстрировала худшую, чем у России, готовность к войне.

Примечательно, что идея ужесточения мер в сфере мобилизации экономики в Германии исходила от консерваторов, а в России — от либералов. Правда, оба случая не дали позитивного результата — победы в войне. Но этот случай показывает, что при определенных условиях российский либерализм может выступать за централизацию экономики и ограничение рынка вплоть до его частичного временного демонтажа.

Список использованной литературы

1. Арсентьев Н. М. Россия накануне Первой мировой войны: итоги экономического развития и социально-политического выбора / Н. М. Арсентьев // Экономическая история. — 2015. — № 1 (28). — С. 20–26.

2. Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика России в годы Первой мировой войны и Военного коммунизма. Поня-

тие мобилизационной экономики / Ю. П. Бокарев // Экономическая история. — 2015. — №1 (28). — С. 26–40.

3. Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917 : сб. документов местных большевист. орг-ций / сост. : А. А. Кобяко. — [М.] : Госполитиздат, 1939. — XVI, 230 с.

4. Егоров А. Н. Дискуссии российской эмигрантской историографии о роли либеральной оппозиции в подготовке Февральской революции / А. Н. Егоров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: гуманитарные и социальные науки. — 2008. — № 1. — С. 5–10.

5. Ерманский О. А. Из пережитого : (1887–1921 гг.) / О. А. Ерманский. — М. ; Л. : Госиздат, 1927. — 204 с.

6. Каюров В. Н. Петроградские рабочие в годы империалистической войны / В. Н. Каюров. — М. : Изд-во Всесоюзн. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1930. — 144 с.

7. Корнилов А. А. Партия народной свободы : (Исторический очерк) : [Лекция, чит. 20 марта 1917 г. на Курсах для лекторов и агитаторов Партии нар. свободы] / А. А. Корнилов. — Одесса : Партия «нар. Свободы», [1917]. — 28 с.

8. Маклаков В. А. Из прошлого // Современные записки (Париж). — 1929. — № 38. — С. 276–314.

9. Милюков П. Н. История второй русской революции / П. Н. Милюков. — М. : РОССПЭН, 2001. — 764, [3] с.

10. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году : протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний исполкома и фракций, 27 февраля — 25 октября 1917 г. : в 5 т. / под общ. ред. П. В. Волобуева. — Л. : Наука, 1991. — Т. 1 : 27 февраля — 31 марта 1917 г / [отв. ред. В. И. Старцев, Ю. С. Токарев; составитель Б.Д. Гальперина]. — 662, [2] с.

11. Попов Г. Г. Влияние системы образования на экономический рост в международных сопоставлениях / Г. Г. Попов // Экономика, предпринимательство, окружающая среда. — 2013. — № 2. — С. 60–68.

12. Попов Г. Г. Как плохие институты и политика разрушают экономику. Пример Веймарской Германии / Г. Г. Попов // Journal of Institutional studies = Журнал институциональных исследований. — 2013. — Т 5, № 2. — С. 116–135.

13. Попов Г. Г. Первая мировая война и трансформация финансовых систем ведущих держав мира / Г. Г. Попов // Journal of Economic Regulation = Вопросы регулирования экономики. — 2013. — Т. 4, № 1. — С. 96–106.

14. Рабочее движение в 1917 году / подгот. к печати В. Л. Меллер, А. М. Панкратова; предисл. Я. А. Яковлева. — М. ; Л. : Госиздат, 1926. — 371 с.

15. Рабочее движение в годы войны / подгот. к печати М. Г. Флеер. — М. : Вопр. труда, 1925. — 360 с.

16. Рафес М. Г. Два года революции на Украине : (Эволюция и раскол «Бунда») / М. Г. Рафес. — М. : Госиздат, 1920. — 168 с.

17. Рафес М. Г. Мои воспоминания / М. Г. Рафес // Былое. — 1922. — № 19. — С. 177-197.

18. Рачковский В. А. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в феврале-марте 1917 г. в воспоминаниях социалистов (часть 2) / В. А. Рачковский // Новейшая история России. — 2012. — № 1. — С. 59-71.

19. Революционное движение в России после свержения самодержавия / под ред. Л. С. Гапоненко (отв. ред.) [и др.]. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. — XXIV, 857 с.

20. Скобелев М. И. Гибель царизма / М. И. Скобелев // Огонек. — 1927. — № 11 (207). — 13 марта.

21. Стенографические отчеты Государственной Думы. Созыв четвертый. Сессия пятая. Заседания 1-25 (с 1 ноября 1916 по 25 февраля 1917 года). — СПб., 1917. — 904 с.

22. Тарасов-Родионов А. Февраль. Роман-хроника / А. Тарасов-Родионов. — М. ; Л. : Госиздат, 1928. — 668 с.

23. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. (1914-1918 г.) / Г. И. Шигалин. — М. : Воениздат, 1956. — 332 с.

24. Bailey S. The Berlin Strike of January 1918 / S. Bailey // Central European History. 1980. — Vol. 13, no. 2. — P. 158-174.

25. Barros A. Strategic bombing and restraint in «Total war» 1915-1918 / A. Barros // The Historical Journal. — 2009. — Vol. 52, no. 2. — P. 413-431.

26. Bemann M. «...kann von einer schonenden Behandlung keine Rede sein». Zur forst- und landwirtschaftlichen Ausnutzung des Generalgouvernements Warschau durch die deutsche Besatzungsmacht, 1915-1918 / M. Bemann // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. — 2007. — Bd. 55. S. 1-33.

27. Hamlin D. «Dummes Geld» : Money, Grain, and the Occupation of Romania in WWI / D. Hamlin // Central European History. — 2009. — Vol. 42, no. 3. — P. 451-471.

28. Healy M. Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and Everyday Life in World War I / M. Healy. — NY : Cambridge University Press, 2004. — 333 p.

29. Keith A. Sharing Scarcity: Bread Rationing and the First World War in Berlin, 1914-1923 / A. Keith // *Journal of Social History*. — 1998. — Vol. 32, no. 2. — P. 371–393.

30. MacArtney C. A. Hungary since 1918 / C. A. MacArtney // *The Slavonic and East European Review*. — 1929. — Vol. 7, no. 21. — P. 577–594.

Информация об авторах

Попов Григорий Германович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики, Московский технологический институт, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 38-а, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.

Давыдов Станислав Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Московский филиал Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, 109548, г. Москва, ул. Полбина, 1, e-mail: litfond-pr@yandex.ru.

Authors

Popov Gregory Germanovich — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Moscow Technology Institute, 38-a, Leninskiy prosp, Moscow, 119334, Russian Federation, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.

Davydov Stanislav Gennad'evich — D.Sc. in History, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Leningrad State University named A.S. Pushkin, Moscow branch, 1, Polbina st., Moscow, 109548, Russian Federation, e-mail: litfond-pr@yandex.ru.

Библиографическое описание статьи

Попов Г. Г. «Провалы» в распределении продуктов и революционные потрясения 1917–1918 гг. в Европе / Г. Г. Попов, С. Г. Давыдов // *Историко-экономические исследования*. — 2016. — Т. 17, № 1. — С. 7–48. — DOI : 10.17150/2308-2588.2016.17(1).7-48.

Reference to article

Popov G. G., Davydov S. G. Failures of product distribution and revolutionary upheaval of 1917–1918 in Europe. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 1, pp. 7–48. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(1).7-48. (In Russian).